

R-28

АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

На правах рукописи

КАСУМОВА САРА ЮНУСОВНА

АЗЕРБАЙДЖАН (ЮЖНЫЙ) В III—VII вв.
(ПРОБЛЕМЫ ЭТНО-КУЛЬТУРНОЙ
И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ)

Специальность 07.00.02 — История СССР

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т

диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Баку — 1981

Работа выполнена в Институте истории АН Азерб. ССР и Ленинградском отделении Института востоковедения АН СССР.

Научный руководитель:

доктор филологических наук, профессор ЛИВШИЦ В. А.

Официальные оппоненты:

доктор исторических наук ЛУКОНИН В. Г.,
кандидат исторических наук МАМЕДОВА Ф. Д.

Ведущее учреждение — Кафедра истории Азербайджана Азербайджанского ордена Трудового Красного Знамени государственного университета им. С. М. Кирова.

Защита состоится „ _____ “ _____ 1982 г. в _____ часов на заседании Специализированного совета Д.004.02.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.02 — «История СССР» при Институте истории АН Азерб. ССР.

Адрес: 370143, Баку — 143, пр. Нариманова, 31.

С диссертацией можно ознакомиться в научном кабинете Института истории АН Азерб. ССР.

Автореферат разослан „ _____ “ _____ 1981 г.

Ученый секретарь

Специализированного совета,
кандидат исторических наук

ПИРИЕВ В. З.

*Дорогому Ташку Хореновичу
на разтерзание и в описании
этника.*

*Ваша Сара Касумова,
дезертировавшая из Еревана
не по своей воле.*

20. XII. 1981.

Актуальность темы. Период III—VII вв. в истории Южного Азербайджана (Адурбадагана), когда он входил в состав государства Сасанидов, до сих пор остается мало изученным. Исследование этого периода осложняется крайней скудостью прямых сведений о Южном Азербайджане в синхронных письменных источниках.

Детальных исследований социальной структуры и экономики Южного Азербайджана III—VII вв. до сих пор не предпринималось. В работах, посвященных Сасанидскому государству в целом (труды Т.Нёльдеке, В.В.Бартольда, А.Е.Крымского, А.Кристенсена, М.М.Дьяконова, Р.Фрая и др.) или отдельным его периодам (наиболее важны здесь работы советских ученых — Н.В.Пигулевской, В.Г.Лукониной, А.И.Колесникова), анализируются события политической и военной истории, происходившие на территории Южного Азербайджана. Много внимания исследователи уделили изучению исторической географии Южного Азербайджана (работы Г.Раулинсона, Г.Хофмана, В.В.Бартольда, Й.Маркварта, П.Шварца, В.Ф.Минорского, Э.Хонигмана), особенно позднеасанидского периода (VI — середина VII в.), для которого сведения византийских, сирийских, древнеармянских и среднеперсидских источников существенно дополняются данными арабских и ранненовоперсидских географов и историков. Однако сводного исследования, где были бы обобщены историко-географические материалы по Южному Азербайджану сасанидского времени, до сих пор нет.

Для работ иранских ученых, опубликованных в годы правления династии Пехлеви и затрагивающих проблемы истории Южного Азербайджана (Х.Пирния, М.А.Тарбият, М.Мортазави и др.), характерен, как правило, шовинистический подход к этим проблемам, наиболее четко проявляющийся в искаженном освещении этнического состава и языковой ситуации, стремлении представить население этой области как персидское по происхождению, а языки и диалекты мидийской (северо-западной) группы, на которых в III—VII вв. говорила большая часть жителей Южного Азербайджана, как диалекты персидского языка.

Исследования раннесасанидских надписей (прежде всего большой надписи Шапура I на "Каабе Зороастра" в Накш-и Рустаме и четырех надписей жреца Картира) позволяют судить об эволюции административно-территориального устройства и системы управления державы Сасанидов, а также о религиозной политике первых шаханшахов и сложении государственной зороастрийской церкви. Осуществленные

В течение последних 20 лет публикации темм и булл также существенно пополнили данные о территориальном делении, административной системе и религиозной иерархии. Для изучения истории Южного Азербайджана в сасанидский период особое значение имеют раскопки храма Адургушнасп в Шизе (городище Тахт-и Сулейман)¹, а также среднеперсидская надпись, открытая в Мишкиншахре².

В настоящей работе исследуются следующие проблемы истории Южного Азербайджана III-VII вв.: стратегическое положение Южного Азербайджана в этот период, историческая география области, города и селения, этнический состав населения и языки; административно-территориальное деление; система управления; сословия; знать и духовенство; крестьяне и ремесленники; положение рабов; подати и повинности; формы землевладения, земле- и водопользования; зороастрийцы и христиане в Южном Азербайджане.

Цели работы. I) Анализ сведений всех источников, позволяющих осветить систему управления, состав аппарата чиновников, административно-территориальное деление, социально-экономические отношения, организацию зороастрийской церкви, значение храма Адургушнасп.

1. H.H.von der Osten und R.Naumann. *Takht-i Suleiman*. Bd.I, Berlin, 1961; R.Göbl. *Die Tonbullien vom Takht-e Suleiman*. Berlin, 1976; R. und E.Naumann. *Takht-i Suleiman. Katalog der Ausstellung*. München, 1976 (здесь же, с. 69-70, указана литература о предшествующих публикациях материалов раскопок); G.Gropp. *Neupersische Überlieferungen vom Heiligtum auf dem Takht-e Suleiman*. - AMI, N.F., Bd.X, 1977, Ss.243-291; D.Huff. *Takht-i Suleiman. Vorläufiger Bericht über die Ausgrabungen im Jahre 1976*. - AMI, N.F., Bd.X, 1977, Ss.211-223; Он же. *Recherches archéologiques à Takht-i Suleiman, centre religieux royal Sassanide*. - "Académie des Inscriptions et Belles-lettres. Comptes rendus des séances", 1979, Nov.-déc., pp.774-789.

2. K.Fard. *Katiba-ye az Šāpur-e dovvom šāhān-šāh-e sāsāni dar Šekīn-šahr*. - "Honar va mardom", N 61/62, 1967, s.6-9; G.Gropp. *Die sasanidische Inschrift vom Mischkinschahr in Azerbaïdjan*. - AMI, N.F., Bd.I, 1968, Ss.149-158; H.S.Nyberg. *The Pahlavi inscription at Miškīn*. - BSOAS, vol.33, pt.I, 1970, pp.144-153.

2) Сочетание данных, непосредственно относящихся к Южному Азербайджану, со сведениями источников о сасанидском Иране в целом, а также о других его областях, история которых освещена источниками значительно полнее (прежде всего Парс и Месопотамия).

3) Исследование эволюции административных и социальных институтов путем сопоставления данных, относящихся к различным периодам истории государства.

Материалы. Работа базируется на совокупности всех опубликованных к настоящему времени источников - письменных (среднеперсидские - надписи, пехлевийская книжная литература, манихейские тексты; византийские; сирийские; армянские; арабские; новоперсидские) и вещественных (теммы, буллы, материалы раскопок Тахт-и Сулейман). Мы стремились учесть также исследовательскую литературу не только по истории Южного Азербайджана III-VII вв., но и по проблемам социально-экономической истории государства Сасанидов в целом и по истории зороастризма. При анализе этнического состава и языковой ситуации в Южном Азербайджане сделана попытка проследить основные этапы изменения этнической и лингвистической карты области на протяжении весьма длительного периода; в соответствующих разделах привлечены поэтому материалы памятников на древнеиранских языках. В работе использованы также данные исторической лексикологии (прежде всего историко-этимологический анализ терминов).

Немногочисленность сведений по истории Южного Азербайджана III-VII вв. обусловила необходимость сочетать их с данными по истории Сасанидского государства в целом. К такому методу исследования приходится прибегать при изучении ряда проблем социальной и экономической истории (политическая история Южного Азербайджана III-VII вв. в диссертации не рассматривается, поскольку события политической истории области детально проанализированы в научной литературе по Сасанидскому государству). Следует учитывать, что многие социальные и юридические институты, системы административного деления и управления были общими для всех областей державы. Эти общие черты складывались постепенно и, как можно судить по данным источников, в наибольшей степени обозначились в VI в., после реформ Хосрова I.

Научная новизна данной работы определяется тем, что впервые сделана попытка охарактеризовать основные проблемы социально-экономической истории Южного Азербайджана в III-VII вв., дать сводный очерк исторической географии области и этнического состава её населения, привлекая при этом совокупность всех известных в настоящее время источников.

Практическая ценность работы. Результаты данного исследования могут быть использованы в лекционных курсах по истории Азербайджана и истории Сасанидского государства, читаемых в ВУЗ'ах. Эти результаты могут быть учтены также при подготовке новых обобщающих трудов по истории Азербайджана и Ирана.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения, списка сокращений и библиографии.

Во введении обоснована актуальность темы диссертации, определены цели и задачи исследования, раскрыта степень изученности проблемы, дан обзор использованных источников и научной литературы.

В первой главе — "Географический очерк" — рассматривается географическое положение Южного Азербайджана (природные условия, города, селения, минеральные ресурсы, основные сельскохозяйственные культуры), определяются границы собственно Южного Азербайджана и северного — Адурбадаганского — наместничества (ср.-перс. kust "сторона") по данным среднеперсидских, арабских и ранненовоперсидских памятников с привлечением сведений армянской историографии, а также сирийской агиографической литературы.¹

Название Азербайджан — арабизованная форма среднеперсидского *Ādurbādagān* (более старая форма — до III в.н.э. — *Āturpātākān*). Сведения о границах Азербайджана в арабских источниках сильно варьируют, что отражает различия в административно-территориальном делении в различные периоды. Некоторые авторы сообщают, что Азербайджан во времена Сасанидов составлял часть Джибала (Кудамма 293). Эта традиция отражает состав обширного северного наместничества поаднесасанидского времени, включавшего в себя среди других областей всю территорию исторической Мидии. Наиболее

1. Сводка данных сирийских источников: G.Hoffmann. Auszüge aus syrischen Akten persischer Märtyrer. Leipzig, 1880 (AFKM VII).

обширной территория Адурбадаганского куста выглядит у Йакута (I,201), который включает в его состав Табаристан, Рей, Казвин, Зенджан, Кум, Исфахан, Хамадан, Нихаванд, Динавар, Хольван, Масабадан, Михраган-кадак, Шахразур, Джамаган и Южный Азербайджан; Ибн Хордадбех (II8) относит к нему ещё и Армению. Согласно "Армянской географии VII в.", к позднесасанидскому северному наместничеству отнесены и страны Закавказья — Армения, Иберия, Албания, Баласакан и Сисакан (Сюник).

Сведения арабских источников относительно границ собственно Южного Азербайджана в известной степени отражают административное и географическое деление, восходящее к сасанидской эпохе. Согласно Ибн ал-Факиху (285-286), Азербайджан занимал территорию от Берда'а до Зенджана, на востоке граничил с Дейлемом, Тармом и Гилянм, на севере границей считалась река Аракс. Мас'уди (Мур'удж I,100) включает в пределы Азербайджана и Арран, т.е. земли к северу от Аракса. Наиболее обширна территория Азербайджана в описании Йакута (I,160) — от Берда'а на востоке до Арзинджана на западе, граничит также с Гилянм и Тармом.

О городах Южного Азербайджана III-VII вв. мы знаем преимущественно по сообщениям арабских географов IX-X вв. Из среднеперсидских сочинений лишь трактат "*Šahrestānīhā ī Ērān*" ("Города Ирана", дошел до нас в редакции VIII в.) упоминает два города — безымянную столицу Азербайджана (соответствует Ардебилу)¹ и Ганзак.

Арабские авторы сообщают также другое название города Ардебил — *vādān Fairuz* (Йакут II,30), связанное, возможно, с перестройкой города при Перозе. Нет оснований сомневаться в древности первого названия (*Ardabīl*, у Ибн ал-Асира I,341 — *Ardawīl*, армянская форма — *Artawet*), поэтому второе следует скорее всего считать среднеперсидским, введенным сасанидской администрацией Южного Азербайджана. О времени основания Ардебил надежных свидетельств нет. В 30-40-х гг. VII в. — в период арабского завоевания Южного Азербайджана — город был резиденцией сасанидского марзбана; в IX-X вв. Ардебиль также оставался административным и военным центром области.

1. J.Markwart. A Catalogue of the provincial capitals of Ērānšahr. Roma, 1931, p.22, §§ 56,58.

Наиболее сложной проблемой исторической географии Южного Азербайджана является вопрос о соотношении Ганзака и храма огня Адургушнаси в Шизе. В исследовательской литературе распространено мнение, что Шиз арабских и новопериодских источников либо точно соответствует Ганзаку, либо располагался в его округе (В.В.Бартольд, Й.Маркварт, Г.Хофман, П.Шверц, А.Стейн). Так как ещё в 1840 г. Г.Раулинсон установил, что Шиз должен быть отождествлен с городищем Тахт-и Сулейман¹, расположенным в 70 км к юго-востоку от Мараги и примерно в 225 км от оз.Урмия, остатки Ганзака также предлагалось искать на месте этого городища. Однако в подорожниках арабских географов Ганзак упоминается на пути от Динавара к Мараге (и, далее, к оз.Урмия), в 6 фарсахх к югу от Мараги (Ибн Хордадбех 121; Кудама 213; Мукаддаси 382). Это заставляет помещать Ганзак в районе современного Лейлана, лежащего на правом притоке р.Джагату, к юго-востоку от оз.Урмия². Между тем, городище Тахт-и Сулейман лежит далеко к юго-востоку от Лейлана. Локализация Ганзака в бассейне р.Джагату подтверждается источниками сасанидского времени. При описании совместных военных действий Хосрове II и императора Ираклия против Бахрама Чубина Феофилакт Симокатта упоминает реку Баларат. Как показал В.Ф.Минорский³, Баларат соответствует современной реке Джагату.

В 628 г., во время одной из своих персидских кампаний, император Ираклий стоял лагерем близ Ганзака, откуда послал письмо в Константинополь; в письме сообщается о Ганзаке как о городе, состоящем примерно из трех тысяч домов. Сопоставление с городищем Тахт-и Сулейман показывает, что здесь не мог поместиться такой большой город, каким был Ганзак в VII в. Это - ещё один аргумент, опровергающий отождествление Ганзака с Шизом.

Марага, расположенная к югу от горы Сахенд, фигурирует у арабских географов как главный военный лагерь, а также, наряду с Ардебилем, как бывшая столица Южного Азербайджана. Название Марага - арабское, но у Балазури (330) и Якута (IV,476) отмечено и

1. H.S.Rawlinson. Notes on a Journey to Takht-i-Seleiman and on the Site of the Atropatenian Ecbatana. - JRGS, X, 1841, pp.65-158.
 2. V.Minorsky. Roman and Byzantine campaigns in Atropatene. - В кн. / Minorsky V. Iranica. Twenty articles. Tehran, 1964 (Publications of the University of Tehran. Vol.775), p.97.
 3. Там же.

старое название города - Афрахруд. Руйиндиз, расположенный близ Табриза, судя по названию (суйв. "Медная [или "бронзовая"] крепость"), существовал уже в сасанидский период. На одинаковом расстоянии между Ардебилем и Марагой (ок. 20 фарсахов) находился город Мийанидж (позднее Мианэ), упоминаемый при описании арабского завоевания Южного Азербайджана (Балазури 326; Ибн Хордадбех 119).

Город Табриз упомянут уже в V в. в "Истории Армении" Фавста Буванда (T'avreš, T'avreš, кн.IV, гл.25,39; кн.V, гл.2). По-видимому, к концу сасанидского периода Табриз перешел на положение небольшого селения - у арабских авторов о нём нет упоминаний для сасанидского времени (сообщается, что город был основан только в конце VIII в.). Другое название Табриза - Ābarābād, приведенное в персидском толковом словаре XVI в. "Бурхән-и Қўҳи", связано, несомненно, с ролью Табриза как столицы средневекового Азербайджана.

Область Муган арабские авторы относят к Южному Азербайджану (Ибн Хордадбех 119; Ибн ал-Факих 285), хотя до арабского завоевания она в некоторые периоды считалась отдельной частью Адурбадганского куста. Средневековый Муган частично соответствует современной области Муган, но в отличие от неё, занимал не только равнину, но и горные районы. Более раннее название области - Бала-сакан¹.

Среди городов Южного Азербайджана, упомянутых арабскими географами и историками для периода арабского завоевания, мы встречаем также Хувайдж (позднее Хой), Джабраван, Нариз, Саламас, Баджарван, упомянуты также несколько округов и селений - Джармидан, Фируз-абад, Барза, Сираган, Базз, Урм, Сараг, Салак.

Глава II - "Население и языки".

Географическое положение Южного Азербайджана, находящегося на пересечении путей, ведущих из Месопотамии, Центрального и Южного Ирана в Закавказье и области Прикаспия, способствовало проникновению кочевых племен, частично оседавших и смешивавшихся с автохтонным населением, что определило сложный этнический состав и

1. Э.М.Буниятов. Из истории Кавказской Албании V-VIII вв. - В сб. / "Вопросы истории Кавказской Албании", Баку, 1962, с.164, прим. 68.

культурный облик Южного Азербайджана на протяжении многих столетий.

На рубеже II-I тыс. или в последние столетия I тыс. до н.э. ираноязычные племена мигрировали из Южнорусских степей через Кавказ на территорию Иранского плато. Начиная со второй половины VIII в. эти племена составляли большинство в ряде районов Западного Ирана, в том числе и на территории будущей Мидийской державы. Вероятно, в VIII-VII вв. на территорию Южного Азербайджана проникали и скифы, диалекты которых обособились от других древнеиранских диалектов уже, очевидно, во II тыс. до н.э., о чём свидетельствуют "скифо-европейские изоглоссы".¹

Этнический состав Южного Азербайджана на рубеже VIII-VII вв. до н.э. был сложным. На севере, между Араксом и оз.Урмия, преобладало хурритское население. В районах восточного и южного побережья оз.Урмия жили кутии, луллубеи; в нижней части долины Кызылузена обитали племена кадусии, каспии, марды и сагартии.

Распространение древнемидийских диалектов в Южном Азербайджане, начавшееся, вероятно, на рубеже II-I тыс. до н.э., постепенно усиливалось в эпоху Мидийской державы и её преемницы - империи Ахеменидов. Историко-фонетические особенности, характерные для древнемидийского консонантизма, прослеживаются в современных иранских языках и диалектах, которые могут считаться потомками древнемидийского: диалекты центрального и северо-западного Ирана; талышский язык, распространенный в южных районах Азербайджанской ССР, а также в прикаспийской зоне Ирана; "мидийские" диалекты Южного Азербайджана: харзани и керингани. Широкое распространение мидийского языка на территории Южного Азербайджана произошло позднее, чем в областях Нижней Мидии.

В последней трети IY в. до н.э. население Мидии Атропатены составляли хурриты и другие неиранские племена: потомки маннеев, кутиев, луллубеев. В долине р.Карасу обитали кадусии, известные также под именем гелов, языковая принадлежность которых до сих пор неизвестна. Однако с конца IY-III вв. до н.э. создались условия для сложения мидийско-атропатенской народности.²

1. В.И.Абаев. Скифо-европейские изоглоссы. М.,1965, с.121-124.

2. И.М.Дьяконов. История Мидии. М.-Л.,1956, с.65, 452.

Сведения арабских источников о языках и диалектах, на которых говорило население Южного Азербайджана в период III-VII вв., очень немногочисленны и кратки. У Йа^скуби ("Китаб ал-булдан", 272) приведено сообщение о том, что среди жителей Азербайджана имеются а з е р и й ц ы (al-^са^жam al-^абарийат) и д ж а в и д а н и й а (al-^джавиданийат); Мас^суди (Табрих, 353; Мур^ддж II,235) считает "джавиданийа" потомками хуррамита Джавидана б. Шехрака. Арабские географы (Мукаддаси, Истахри) отмечают, что язык, на котором говорили жители Южного Азербайджана - "персидский", но труден для понимания.

Раннесредневековые диалекты а з е р и сильно отличались от персидского, о чём свидетельствует, в частности, известный рассказ Абу Закария Хатиба Табризи (учился у Абу-л-^сАла, 973-1057) о его встрече в одном из городов северной Сирии с земляком, который говорил с Абу Закарией на языке азери; присутствовавший при этой беседе Абу-л-^сАла мог понять только отдельные слова, хотя он знал персидский.

Центром распространения азери, очевидно, был Ардебиль.¹ Такой вывод основывается на результатах исследования текстов на языке азери, обнаруженных иранским ученым Ахмедом Кесрави в трех сочинениях XIY в. ("Нузхат ал-кулуб" Хамдаллаха Казвини, "Сафват ал-Сафа" Ибн Баззаза Таваккули и "Силсилат ал-насаб Сафавийа" шейха Хусейна Пирзаде). По мнению А.Кесрави, два из четырех прозаических образцов отражают табризский диалект, а два других - ардебильский. I2 из I4 рубаи принадлежат, согласно преданию, родоначальнику династии Сефевидов - шейху Сафи ад-Дину (ум. в 1334 г), уроженцу Ардебилля.

Лексико-этимологический и грамматический анализ этого материала, как показал Б.В.Миллер, указывает на близость языка азери Ардебилля к современному талышскому². Табризский диалект азери отличался по некоторым историко-фонетическим и грамматическим особенностям от диалекта Ардебилля и сближался с современными реликтовыми диалектными группами - харзани и керингани.³

1. Б.В.Миллер. Талышский язык. М.,1953, с.255.

2. Там же, с.257-260.

3. W.B.Henning. The ancient language of Azerbaijan. - "Transaction of the Philological Society", London, 1955, pp.167-175.

На территории Южного Азербайджана в III-VII вв. жили также курды, язык которых относится к другой ветви северо-западной подгруппы иранских языков. Согласно арабским источникам, курды обитали в районе горы Савалан, в Баласагане, в Сарате (Мас'уди, Тавоих 89, Мурӯдж I, 214; Балазури 326).

Географическое положение способствовало раннему проникновению в Южный Азербайджан тюркских племен - к концу сасанидского периода часть населения Южного Азербайджана составляли турки. В городах области в III-VII вв. жили также сирийцы (несториане и яковиты) и армяне.

Глава III. "Административное деление и система управления".

Политическая структура, территориально-административное членение и система управления Сасанидского государства на протяжении четырех столетий его истории существенно менялись. В источниках эти изменения отражены неполно и весьма неравномерно для отдельных периодов. Надпись Шапура I на "Каабе Зороастра" (ŠKZ, ок. 262 г.) содержит перечень областей, входивших в империю в середине III в. По данным этой надписи можно составить довольно полное представление о составе дворов Ардашира I и Шапура I и об аппарате центральной администрации. Некоторые дополнительные данные можно извлечь из перечней сасанидских владений в надписях жреца Картира (ок. 290-293 гг.), а также из фрагментированной надписи Нарсе в Пайкули (293 г.).

В ŠKZ Адурбадаган упомянут как один из 27 шахров (стран) державы Шапура I. Правители таких стран именуется в этой надписи шахрирами ("владельцы шахров") и пайгоспаами ("охранители сторон"). Соответствующие административно-территориальные единицы - шахрипайгоспос - засвидетельствованы в манихейских текстах, отражающих ранне-сасанидскую терминологию. Можно поэтому заключить, что сообщенные Табаром, согласно которому титул пайгоспай был введен лишь при Каваде (488-531), не соответствует действительности; очевидно, в конце V - начале VI вв. лишь изменился характер этой должности: в это время пайгоспай его синоним куст становится обозначениями наиболее крупных военно-административных единиц - четырех "сторон" державы.

В надписях Картира, где перечислены шахры "Ирана и не-Ирана", Адурбадаган отнесен к числу первых, что объясняется, вероятно, прочными позициями зороастризма в этой стране ещё до возникновения Сасанидского государства.

Административная реформа, проведенная при Хосрове I, показывает важное значение Южного Азербайджана в VI в. По имени этой области был назван один из четырех кустов - северный. В состав Адурбадаганского куста вошли несколько прежних шахров, в том числе Мидия, Гурган, Армения, Албания, Иберия, Баласаган (последние четыре в раннесасанидское время, судя по надписям Картира, относились к "не-Ирану"). Создание этого обширного куста отразилось в описаниях границ и административного членения Азербайджана в армянских источниках, а также у арабских и персидских авторов, причем состав областей у различных авторов варьирует значительно; наибольшие расхождения наблюдаются в перечнях областей исторической Мидии и южного побережья Каспийского моря, не совпадают и перечни стран Кавказа. Можно полагать, что эти различия связаны в определенной мере с несколькими значениями термина куст, которые удается проследить благодаря сопоставлению сасанидских булл V-VI вв. (в том числе булл из Тахт-и Сулеймана) и нарративных источников. На буллах куст выступает в значениях "область, провинция" и "совокупность округов", но не как обозначение целого наместничества.¹ Так, на буллах из Тахт-и Сулеймана мы встречаем "куст Хамадан", "куст Мидия (Май)", "кусты Хульван и Баласаган".

С территорией Мидии связано на этих буллах употребление ещё одной административной единицы - pēmwand "округ", от др.-ир. paīma "половина", "сторона" (следует разграничивать употребление этого слова как апеллятива и Немаванд как топоним).

Сопоставление данных ŠKZ, гемм и булл позволяет реконструировать эволюцию шахрабов - института, восходящего в конечном счете к мидийским и ахеменидским сатрапам. Буллы показывают, что шахрабы - управители города и непосредственно прилегающей к городу округи - продолжали существовать и в V-VI вв. (ср., например, упоминания шахрабов Амуля и Адурбадагана в надписях на буллах из Тахт-и Сулейман).

1. В.Г.Лукокин. По поводу булл из Ак-тепе. - "Эпиграфика Востока", XX, 1971, с.52.

После реформы Хосрова I гражданскую администрацию куста возглавлял п а и г о с п а н , военную - с п а х б е д (о спахбеде Адурбадаганского куста упоминается в "Šahrestānīhā ī Ērān" § 57). Оба эти титула известны и для раннесасанидского периода, но в VI в. они приобрели гораздо большее значение. Изменились и функции м а р з б а н о в , существовавших ещё, как показывают парфянские документы I в. до н.э. из Нисы, при Аршакидах, но возродившиеся лишь в позднесасанидское время. Титул м а р з б а н многократно засвидетельствован в армянских, сирийских и арабо-персидских источниках, но он сравнительно редко встречается в среднеперсидских текстах (употребление его в "Книге деяний Ардашира, сына Папака" отражает административную терминологию VI в., ср. упоминание марзбана Шахристана и Бшапура в позднесасанидской эпитафии из Иклида). Наиболее конкретны и точны данные сирийской агиографической литературы, упоминающей, в частности, марзбана Адурбадагана, носившего имя Тохм-Хормизд. Согласно арабо-персидской традиции, Бахрам Чубин был одним из марзбанов Адурбадаганского куста - марзбаном Рея. Марзбан Адурбадагана, несомненно области, а не куста, по имени Исфандийар, упоминается при описаниях арабского завоевания области в 18 г.х. (640/641 гг.) как лицо, возглавившее отряды из всех округов и городов Адурбадагана, а также заключившего мирный договор с арабами.

Издание "Сасанидского судебника", подготовленное А.Г.Периханя, позволило привлечь данные этого ценнейшего памятника об административной системе, функциях и объеме компетенции чиновников. В "Судебнике" отражено, как правило, административное устройство Парса, однако сопоставление булл из Каср-и Абу Наср (Парс) и Тахт-и Сулейман (Южный Азербайджан) показывает, что система, существовавшая в Парсе, была типичной для всего позднесасанидского Ирана.

Государственным имуществом - собственностью о с т а н о в - ведали о с т а н д а р ы и многочисленные счетоводы а м а р - г а р и ; имущество храмов находилось в ведении м о б е д о в и р а д о в (эти титулы представлены в "Судебнике", на геммах и буллах). Формульное обозначение мобедов на официальных печатях - "защитник бедных" (drīubān jādaggōw), введенное, согласно "Судебнику", при Каваде, засвидетельствовано на печатях мобедов

многих областей Адурбадаганского куста - Рея, Масабадана, Хамадана, Гургана, Валашфэра, Гилияна, равно как и мобеда округа Ардашир-хварре в Парсе (буллы из Каср-и Абу Наср).

Глава IV. "Социальная структура. Экономика".

Сасанидские обозначения сословий жрецов, воинов и податного сословия представляют собой авестийские термины, заимствованные в среднеперсидский и адаптированные согласно нормам среднеперсидской фонетики и орфографии - āsrōn (вариант āsrō) для жрецов, artēštār для воинов и wāstaryōš для крестьян, тогда как наименование сословия писцов - dībīr(ān) собственно среднеперсидское. В качестве общего обозначения ремесленников употреблялся термин hutuxš (авест. hūiti-). С выделением сословия писцов крестьяне и ремесленники превратились, по существу, в четвертое сословие, платящее подати и кормившее своим трудом всю страну. Применение авестийских терминов для первых трех сословий было вызвано, несомненно, стремлением освятить авторитетом зороастрийского канона социальную структуру государства. Эти три группы - жрецы, воины и земледельцы - в Авесте обозначены словом pištra- (Y 19.17) - "занятие", исходное значение которого "окраска, цвет" от корня *paish- "рисовать, изображать", ср. от того же корня среднеперс. pēšag "ремесло; профессия; сословие". Такое обозначение, очевидно связано с представлением о традиционных цветах одежды: белый у жрецов, красный у знати и воинов, синий или зеленый у простолюдинов, как, например, на изображениях стенной росписи из храма в Дуре-Европос и на фреске из Кух-и Хваджа¹, где белое, зеленое и красно-голубое одеяния трех божеств олицетворяют, вероятно, три социальные функции этих божеств, соответственно покровителей трех социальных групп.

Отсутствие каких-либо упоминаний о главах сословий в ŠKZ вряд ли может быть случайным, так как в ŠKZ перечислены хотя и не все, но наиболее важные представители родов знати и высшего чиновничества, а главы сословий, если бы они были уже при первых Сасанидах, должны были принадлежать к таким представителям. Можно поэтому предположить, что сословия в Сасанидском государстве

1. См. R.Ghirshman. Iran: Parthes et Sassanides. Paris, 1962, pp.42-44,46, des.56,57,59.

были официально оформлены довольно поздно — не исключено, что только в V-в., когда мы впервые узнаем о них от византийских авторов. В арабо-персидской традиции также нет указаний на существование сословий при первых Сасанидах. Можно думать, что появление и укрепление государственной власти и её институтов в Ахеменидском (а ещё раньше — в Мидийском) государстве отодвинуло на задний план древнеиранские сословия, уменьшило их роль в социальной организации. Примечательно, что в Авесте, знающей сословия, нет никаких упоминаний об их главах. Усиление зороастрийской церкви и повышение престижа Авесты привели к тому, что когда сословия были официально узаконены, они получили древние — авестийские (а не "живые", собственно среднеперсидские) наименования.

Распространенное в научной литературе мнение о том, что школа жрецов — х е р б е д о в формировалась в Парсе, а школа жрецов — м о б е д о в — в Адурбадагане, и что эти школы противостояли друг другу¹, не подтверждается среднеперсидскими источниками. Х е р б е д ы, составлявшие наиболее многочисленный слой жречества, в зороастрийской духовной иерархии стояли ниже мобедов, они служили повседневными духовными пастырями, которым было доверено религиозное воспитание зороастрийского населения страны, они выполняли также некоторые функции в зороастрийском ритуале. Хербеды существовали, по-видимому, в каждом округе и во всех крупных селениях. Из среднеперсидских источников можно заключить о наличии "странствующих" хербедов, обслуживавших несколько населенных пунктов. Эти функции хербедов объясняют второе употребление слова: х е р б е д как представитель зороастрийского жречества вообще. В таком, нетерминологическом, употреблении это слово могло служить обозначением и мобеда и рада. Мобеды, объединившиеся в местные "коллегии магов" (magi на геммах и буллах), играли основную роль в литургии, они ведали также храмовой собственностью, духовным судом (вместе с радами) и осуществляли непосредственную связь со светской администрацией (союз алтаря и трона, установившийся уже при первых Сасанидах).
 О составе знати сообщают многие источники. Три основных её ряда — в а с п у х р и, в а з у р г и и а з а д ы (нередко

1. См. особенно: S. Wikander. Feuerpriester in Kleinasien und Iran. Lund, 1944, S.140.

с добавлением ш а х р и я р о в) перечисляются в царских надписях первых Сасанидов и в надписях Картира; в надписи из Мишкиншахра упомянуты вазурги, шахрияры и азадмарды.

Наиболее многочисленное — податное — сословие включало не только земледельцев и скотоводов, но и торговцев и ремесленников. Среднеперсидские источники, в том числе манихейские тексты, а также сирийские сочинения содержат данные о многих ремесленниках, в том числе о кузнецах, строителях, торевтах и ювелирах, гончарах, портных и ряде других, а также о цеховых организациях ремесленников.¹

Картину социально-экономических отношений в Южном Азербайджане III-VII вв. приходится реконструировать, привлекая совокупность данных источников по сасанидскому Ирану в целом и отдельных его областей. Несмотря на некоторые указания "Судебника", свидетельствующие о наличии местных особенностей в юридических процедурных нормах (ст.44.3 — упоминание о процедурных нормах Гургана), можно полагать, что основные нормы права были одними и теми же во всех областях государства (ср. для Месопотамии по талмудической литературе — "Закон государства — закон!"). Основной экономики, как в III-V вв., так и в VI-VII вв., был труд общинников, но данных о сельской и городской общинах и их эволюции в источниках (в том числе и в "Судебнике") удастся найти немного.

Рабовладельческий уклад в экономике Ирана сохранялся долго. "Судебник" содержит сведения, позволяющие существенно уточнить представления о положении рабов и их категориях, сформулированные ранее в литературе. В "Судебнике" имеются сведения о юридическом статусе раба, о совместном владении рабами, о разных формах манумиссий (ср. также данные сирийского юридического сборника Ишобохта). Анализ употребления в "Судебнике" двух терминов для обозначения рабов — а н ш а х р и г и б а н д а г — приводит к заключению, что в сасанидской юридической практике эти термины различались таким образом, что б а н д а г обозначал раба вообще, но также специально раба-зороастрийца, а н ш а х р и г — тоже раб вообще, но в специальном значении — раб-не-зороастриец. Этим различием в конфессиональной принадлежности

1. См. сводку данных у A. Taffazoli. A list of trades and crafts in the Sassanian period. — ANI, Bd. VII, 1974, pp. 191-196.

можно объяснить употребление этих терминов в статьях "Судебника", рассматривающих положение храмовых рабов.

В сасанидское время появляется новая форма эксплуатации рабского труда, при которой раб наделялся участком земли для личного пользования на определенных условиях, подобно тому, как практиковалось в Римской империи. Эта практика отчетливо прослеживается по талмудическим памятникам, отражающим положение в сасанидской Месопотамии. Подобная система прикрепления рабов к земле устанавливала новые отношения между рабовладельцем и рабом, похожие на барщинные и оброчные времен феодализма.

В Адурбадагане существовали все типы земельной собственности, известные для других областей сасанидского Ирана: общинные, частновладельческие (в том числе земли крупных феодалов), царские, храмовые и городские. Анализ основных терминов для земельной собственности, употребляемых в "Судебнике" — *дасткерд* и *хвастаг*, показывает, что первый был прежде всего обозначением наследственной земельной собственности, второй — условной, жалуемой за службу, в частности, военную. В этой связи особое значение имеет упоминание в "Судебнике" в *садникон* и "Реестра всадников" — речь идет об *асварах*, военно-служилой знати, хорошо известной для сасанидского Ирана арабскими авторам, но прослеживаемой и в парфянском Иране (а также в Хорезме VII — начала VIII вв.), и продолжающей ахеменидскую традицию.

Эволюция системы податного обложения прослеживается лишь в некоторых деталях (с привлечением талмудической, сирийской, арабской и персидской литературы, а также лингвистического анализа терминов). Эта система подверглась серьезным изменениям в результате реформы Кавад I — Хосрова I. Изменилась и терминология, обозначавшая основные виды налогового обложения: земельный налог и подушную подать. Трудовое население Адурбадагана, как и всего Сасанидского государства, облагалось также многочисленными поборами — на строительство и ремонт городских стен и укреплений, содержание чиновников и гарнизонов, постройку дорог и мостов и т.д., а также выполняло повинностные работы, о которых упоминается в источниках (*harg* — термин, этимологически родственник *harāg*, обозначению поземельного налога). О значении повинностей в Сасанидском государстве во все периоды его истории

свидетельствует и анализ титула *харгубед* (букв. "глава повинностей"), представленного в конце III в. в надписи Нарсе из Пайкули, а также засвидетельствованного в сирийской, латинской и греческой передачах.

В III—V вв. шел постепенный процесс обезземливания мелких землевладельцев — лишение участков земли в результате неуплаты подушной подати (ср. постановление Шапура II — "Кто не дает подушной подати, поработает тем, кто дает (за него) подушную подать"), неуплаты поземельной подати (ср. постановление "Кто дает поземельную подать, тот пользуется землей"). Мелкие землевладельцы, утратившие свои земельные участки, вынуждены были обрабатывать их на правах арендаторов или издольщиков, либо становиться наемными работниками.

Процесс обезземливания и разорение мелких землевладельцев — рядовых общинников — прослеживается достаточно точно по источникам для Месопотамии. Для других областей таких источников нет, однако, можно полагать, что этот процесс в той или иной форме происходил при Сасанидах повсеместно¹, в том числе и в Южном Азербайджане.

В главе V — "Зороастризм и храм Адургушнасп. Христианство"

рассматривается значение культа огня в зороастризме, среднеперсидская сасанидская традиция, связывающая Заратустру с Южным Азербайджаном, сасанидские храмы огня, в том числе, особенно детально, сведения источников и археологические данные о храме Адургушнасп в Шизе, положение христиан (несториан) в Адурбадагане.

Государственный культ огня существовал, несомненно, ещё до реформы сасанидской зороастрийской церкви, последовавшей после разгрома манихейства и связанной с именем мобеда Картира.

Реконструкция картины иерархии и функционирования храмов огня для сасанидского времени затруднена тем, что в среднепер-

1. В.А.Солодухо. Персидская административно-правовая, социально-экономическая и культурно-бытовая лексика в еврейско-иракских литературных памятниках сасанидского периода. — [В сб.] "Древний мир", М., 1962, с.354.

сидских сочинениях и надписях отсутствуют многие детали. Поэтому приходится пользоваться также поздними арабо-персидскими источниками и данными о храмах огня у современных парсов. Общим обозначением наиболее почитаемых храмов огня было *Ataxš Wahrām*. В сасанидское время существовала четкая иерархия огней, связанная с иерархией социальной. Выделялись прежде всего три главных храма огня, которые в "Бундахишне" определены как "субстанциональные" - *mādagwar*. Согласно зороастрийскому преданию, они существовали от века.¹

Пехлевиские тексты сохранили несколько легенд об этих огнях. Наиболее подробную версию содержит 17-я глава "Бундахишна" - "О свойствах огней", перевод которой дается в данной главе нашей работы.

Адур Фарробаг, "огонь божественного хварра" ("божественного блеска"), покровитель жречества, согласно традиции, отраженной в "Бундахишне", некогда находился на горе Хварроманд в Хорезме; Адургушнасп, букв. "огонь жеребца", покровитель сословия воинов и царя, помещался на горе Аснаванд; Адур Бурзен-Михр, покровитель сословия крестьян - на горе Реванд. Канонизация этих огней произошла, по-видимому, уже в раннесасанидское время.²

Один из наиболее почитаемых храмов огня Сасанидского государства - Адургушнасп - находился в Адурбадагане. Сведения источников о храме, его местоположении и деятельности многочисленны, хотя нередко и противоречивы (ср., например, сомнительные сообщения о храме Адургушнасп как месте коронации сасанидских шахэншахов).

В настоящее время эти сведения могут быть верифицированы по материалам раскопок в Тахт-и Сулейман. Руины храма - городище Тахт-и Сулейман - раскапываются систематически с 1959 г. Немецким археологическим институтом в Тегеране. Впервые исследовались

1. The Būndehishn, being a facsimile of the TD manuscript No. 2 brought from Persia by Dastur Tīrandāz and now preserved in the late Ervad Tahmuras' Library. Ed. by late Ervad Tahmuras Dinshaji Anklesaria, with an introduction by Behramgore Tahmuras Anklesaria, M. A. Bombay, 1908, p. 168, 5.

2. K. Erdmann. Das Iranische Feuerheiligtum. Leipzig, 1941, S. 42.

остатки сасанидского храма огня, изучалась структура самого храма, характер и назначение других построек на территории храмового комплекса. Найденная здесь парфянская керамика, перемещенная в сасанидские слои, позволила заключить, что храм возник только при Сасанидах (остатки парфянских сооружений использовались лишь в качестве строительного материала).

Раскопки показали, что храм Адургушнасп функционировал вплоть до XIII в.

Идентификация развалин Тахт-и Сулейман со святилищем Адургушнасп была окончательно доказана благодаря находкам булл, надписи на которых упоминают храм огня.

В Заключении сформулированы основные итоги исследования.

Основные положения диссертации изложены автором в работах:

1. К толкованию среднеперсидских надписей из Дербента. - ВДИ, 1979, № 1, с. 113-126.
2. Очерк среднеперсидской литературы. - [В сб.] "Письменные памятники Востока. История, филология", М., 1979, с. 81-98.

Заказ 1217. Тираж 100. Уч.-изд. лист. 0,8. Типография АЗИНБФТЕХИМ им. М. Азиябекова. Лаку-ГСП, пр. Ленина, 20.